

Ю. А. КИСЕЛЁВА

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЭТИКА (ХАРЬКОВСКИЕ СЮЖЕТЫ)

Резюме: В статье делается попытка проанализировать взаимосвязь историографии и этики на примере историографической рефлексии в Харьковском университете XIX – начала XX вв. Автор рассматривает роль рефлексивного знания в процессе самоидентификации исследователя, профессионально-этического выбора теоретико-методологических и мировоззренческих ориентиров.

Ключевые слова: историография, этика, рефлексия, научное сообщество, Харьковский университет.

Кисельова Ю. А. Історіографія та етика

Резюме: Дослідження є спробою проаналізувати взаємозв'язок історіографії та етики на прикладі історіографічної рефлексії в Харківському університеті XIX – початку XX ст. Автор розглядає роль рефлексивного знання в процесі самоідентифікації дослідника, професійно-етичного вибору теоретико-методологічних та світоглядних орієнтирів.

Ключові слова: історіографія, етика, рефлексія, наукове співтовариство, Харківський університет.

Kiseljova Ju. A. Historiography and ethics

Summary: This article analyses the relationship between ethics and historiographical reflection, using as a case study the historiographical thought at Kharkov University in the nineteenth – early twentieth century. The author examines role of reflexive knowledge. Specifically, she focuses on the process of a researcher's self-identification and on choosing methodological and ideological orientations.

Keywords: historiographical reflection, ethics, scholarly community, Kharkov University

Взаимосвязь историографии и этики имеет глубокие корни. Этические соображения, среди прочего, обуславливали первые рефлексивные опыты историков, подталкивая их к соотношению результатов своего исследования с выводами предшественников, определению собственного вклада в разработку проблемы, постулированию преемственности научных традиций и т.д. И позже, по мере концептуализации рефлексивного знания, этика сохраняла

© Киселёва Ю. А.

свое значение как фактор развития историографии. Данное утверждение, на первый взгляд, не нуждается в доказательствах. Однако долгое время науку принципиально отделяли от «ценностного знания». К тому же вопрос о природе взаимоотношений этики и историографии является явно недостаточно изученным. Широко распространен взгляд, отводящий этике инструментальную, вспомогательную роль в процессе развития историографического знания, в этом случае идет речь о неких этических регулятивах, корректирующих процедуры историографического анализа и стандартизирующих рефлексивную деятельность. На наш же взгляд, взаимоотношения этики и историографии и глубже, и сложнее. Историографическая рефлексия по своей сути имеет ярко выраженный этический характер. Об этом, на наш взгляд, в частности, свидетельствует процесс осознания российскими учеными XIX в. профессионально-этического характера историографического знания, который сопровождал развитие историографии как отдельной области знания.

Целью данного исследования является попытка провести такой анализ на примере историографической рефлексии, имевшей место в Харьковском университете, длительность формирования и развития академической культуры в котором позволяет глубже рассмотреть исследуемую проблему.

Истоки взаимоотношения этики и историографии стоит искать уже в первоначальных представлениях о сущности профессиональной деятельности университетского ученого. В начальный период становления российской системы университетского образования и науки способность к рефлексии стала восприниматься как основное качество профессиональной пригодности университетского преподавателя. Такой ее статус формально был закреплен в научно-аттестационных документах первой половины XIX в. Постепенно в среде российских ученых сформировалось убеждение о широких познавательных возможностях рефлексивного знания. Подобные мнения высказывали в том числе и ведущие ученые Харьковского университета [16, с. 258]. В известном смысле подытожил такие мнения академик К. М. Бер в публичной речи «Взгляд на развитие наук». Признавая, что «изменения в способе мышления» являются мощным стимулом развития наук, он провозгласил «критику» главным достижением всех наук того времени. При этом под «критикой» он подразумевал рефлексии, предметом которой

являлись вопросы об основах научного познания и критериях истинности [3, с. 203]. По мнению К. М. Бера, «критика» свидетельствовала о «способности к научной работе», и, не случайно, что при выборе нового академика, он считал, было важно не столько определить «много ли вмещает он в уме своем познаний, а, прежде всего, сделал ли он сам какое-либо основательное критическое разыскание» [3, с. 215].

С другой стороны, формирование профессиональной культуры российских ученых опиралось на уже разработанные западной наукой представления об этической составляющей ученой деятельности. Такие представления распространялись в российском интеллектуальном пространстве как посредством знакомства с философскими произведениями западных ученых, так и благодаря приглашенным иностранным профессорам, которые воплощали известные им профессионально-этические идеалы в своей научно-преподавательской деятельности, а также стремились ознакомить с ними широкую местную общественность в ходе своих публичных выступлений.

Действительно, осознание тесного переплетения профессиональных и нравственных качеств ученого было характерно для мировоззрения интеллектуалов того времени. Основой этим убеждениям служили идеи, выработанные немецким идеализмом. Так, И. Г. Фихте в своем цикле лекций «О назначении ученых» указывал, что именно высокое нравственное чувство давало право ученому быть воспитателем и учителем человечества [21, с. 54-56]. Не случайно, харьковский профессор И. Е. Шад, которого называют учеником Фихте, считал стремление к «истине и добродетели» проявлением человеческой духовной природы, которое обеспечивало достижение «верховой цели человека» и его счастья [24, с. 41, 46]. В речи на открытии Киевского университета Св. Владимира воспитанник и профессор Харьковского университета В. Ф. Цых высказал убеждение, что нравственное влияние на общество истинного ученого, для которого научный труд является «призванием свыше», является даже более важным, чем практические результаты его научной деятельности [23, с. 94].

Рефлексивное знание также соотносилось с нравственными качествами ученого. Например, харьковский профессор Л. Умляуф рассматривал отказ от изучения «предшествующих открытий» в науке как проявление высокомерия [25, с. 16] и считал нужным посвятить критике этого порока, замедляющего прогрессивное

движение наук и препятствующего творческой реализации ученого, специальную актовую речь.

Однако качественно новый уровень осознания харьковскими учеными взаимосвязи рефлексии и этики можно зафиксировать в 1830-40-х гг. Дело в том, что в данное время рефлексия начинает тесно переплетаться с задачами самоидентификации. Этические соображения подталкивают ученого соотносить принципы и результаты своей деятельности с методологическими ценностями определенного научного сообщества, постулировать свою исследовательскую позицию в соответствии с позицией данного сообщества. Иногда это сообщество имело «идеальный» характер и речь шла не о заимствовании теоретико-методологических принципов, а скорее о выработке «идеальных» оценочных критериев историографических исследований.

Уже упомянутый преподаватель кафедры всеобщей истории Харьковского университета В. Ф. Цых в своей теоретико-историографической диссертации попытался обозначить черты подобного «идеального» научного сообщества, представителей которого, по его мнению, должно объединять осознание нового образа исторической науки и соответствующего ему нового способа преподавания исторических дисциплин [22, с. 106]. При этом В. Ф. Цых, несмотря на то, что главное задание его диссертации было сосредоточено на проблеме методики преподавания, считал необходимым предоставить собственное понимание новой стадии развития науки, пытаясь очертить предметное поле, исследовательские задачи исторической науки, намечая пути развития исторического знания и выделяя моменты и причины его качественного роста [11, с. 278-279]. Таким образом, он фактически подводил к мысли о том, что только путем осуществления рефлексии исследователь сможет войти в новое научное сообщество. Осознание задач и методологических принципов современных исторических исследований давали возможность В. Ф. Цыху занять независимую позицию как по отношению к российскому интеллектуальному сообществу, замечая, что «у нас в России едва имеются только понятия о преобразовании истории, едва только носят слухи о новом развитии науки» [22, с. 105], так по отношению к признанным авторитетам западной исторической науки. Однако при этом ученый обладал ясным представлением об этической стороне историографических воззрений, о чем свидетельствует одно из его писем к М. П. Погодину, написанное

еще во время работы В. Ф. Цыха в Харькове. В письме к коллеге и другу он позволил себе уничижительную критику классиков зарубежной науки. Сравнивая их сочинения с идеалом исторического произведения – «общим философско-историческим творением, которое бы обнимало всеобщую внутреннюю жизнь народов и было бы расположено по одной общей идее» [2, с. 194], автор письма находил недостатки у всех без исключения современных ему историков. Одним историкам он вменял в вину отсутствие системы и философского взгляда (Ф. Гизо, А. Геерен, В. Робертсон) [2, с. 194], других обвинял в отсутствии общей идеи или системы (Г. Галлам, И. Гердер) [2, с. 195], третьих уличал в плагиате (Ж. Мишле) [2, с. 195]. При этом В. Ф. Цых не сдерживается в определениях. Например, «Историю Европейских государств» А. Герена и Ф. Укерта называл «отвратительной и несносной». Однако в конце письма автор, понимая всю резкость оценок, посчитал нужным просить прощения у адресата, если тот в его письме «обнаружил невежество в дерзком суждении об историках» и просил никому не показывать это письмо, замечая, что «в публику не выехал бы столь смело» [2, с. 195-196]. Таким образом, осознание этического характера рефлексии препятствовало возможности играть ей деструктивную роль. Этические представления заставляли соотносить «идеальные» представления с реальным научным сообществом и его задачами. Тем более, что сама переписка возникла по поводу вполне конкретной идеи М. П. Погодина об издании переводов иностранных исторических книг.

Осознание тесной взаимосвязи профессиональных и этических качеств университетского профессора было присуще и приемнику В. Ф. Цыха по кафедре всемирной истории М. М. Лунину. Из всех профессоров-историков Харьковского университета первой половины XIX века он оказал наибольшее влияние на становление профессиональной составляющей профессорской культуры в данном университете. Благодаря этому он вошел в историю университета как деятель, воплотивший в себе идеал профессора и ученого [5, с. 321]. М. М. Лунин, воспитанник Дерптского университета, прошедший обучение в Профессорском институте и заграничную стажировку, приехал в Харьковский университет уже сложившимся ученым, который в своей деятельности пытался руководствоваться системой профессиональных убеждений, опирающейся на строгие профессиональные требования и высокие моральные стандарты

поведения. Современники называли его «ученым-немцем» [6, с. 286], осознавая, что профессор в своей деятельности воплощал идеалы того научного сообщества, которое оказало на него воздействие в период его профессионального становления.

Воспоминания свидетельствуют, что М. М. Лунин влиял своими высокими нравственными качествами на студентов, которые отвечали ему взаимностью в искренней любви к науке¹. При этом именно критический способ преподавания профессор считал лучшим способом обучения [17, л. 13], а способность к рефлексии главным качеством профессионального историка. Однако, приучая студентов к мысли о том, что «правовереие в умственном мире есть самая пагубная вещь», преподаватель одновременно старался основать рефлексии на идее этического самоконтроля, призывая студентов относиться критически, прежде всего, к его собственным идеям [17, л. 13]².

М. М. Лунин стремился «подтянуть» также и академическую среду Харьковского университета, «зараженную язвой пансионерства», до высоты собственного сознания профессионального назначения университетского преподавателя. Будучи человеком прямолинейным, он часто вступал в конфликт со своими коллегами. Особенно доставалось П. П. Гулаку-Артемовскому [13, с. 191], профессору кафедры российской истории, который покровительствовал такого рода недостойным явлениям университетской жизни, даже занимая пост ректора университета. Сохранились интересные воспоминания М. Ф. Де-Пуле, свидетеля одной стычки, между М. М. Луниным и П. П. Гулаком-Артемовским, которая имела историографическую подоснову. Вот, что он пишет:

¹ По признанию Н. И. Костомарова он стал историком благодаря влиянию М. М. Лунина. – См. Костомаров Н. И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Х., 2008. – С. 180.

² Подобный метод преподавания использовал и И. И. Срезневский, работавший одновременно с М. М. Луниным на историко-филологическом факультете Харьковского университета. На своих лекциях он призывал студентов в интересах выработки навыка научной работы «судить его строго», поясняя: «пусть каждый из нас будет возвышать ученую требовательность в себе и вокруг себя для пользы общей». См.: Срезневский, В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти И. И. Срезневского. – Кн. 1. – Пг. 1916. – С. 34.

««Я бы вам, г. Артемовский – не стеснясь, говаривал Лунин в совете, – рекомендовал серьезнее заняться своим предметом: обратиться к летописям, изучать Карамзина и самого Полевого, которого вы только браните»... – «Нет уж, г. Лунин, – восклицал выведенный из себя маститый магистр, – Полевого возьмите себе, отдаю его вам обеими руками!». – «Помилуйте, – продолжал беспощадный Лунин, – разве это наука, все ваши лекции!...»» [6, с. 287]. К слову заметим, что П. П. Гулак-Артемовский как преподаватель уделял много внимания источниковедческо-историографическому введению в курсе российской истории [10, с. 115-122]. Однако, некоторые историографические явления современной ему науки, а особенно попытки пошатнуть авторитет Н. М. Карамзина вызывали у него резко отрицательные, переходящие в разряд ненаучных, оценки. Например, Н. А. Полевого он даже на лекциях называл «купцом и пошлецом» [6, с. 280].

Этот чрезвычайно колоритный эпизод из жизни университета наглядно демонстрирует, что рефлексия обладала этическим потенциалом как в глазах М. М. Лунина, так и его окружения. Осознание своей принадлежности к более развитому в профессиональном отношении научному сообществу заставляло профессора пытаться поднять профессиональный и нравственный уровень сообщества, в котором ему пришлось работать. Вопрос о том, насколько ему это удалось, остается открытым. Хотя можно говорить с некоторой долей уверенности, что он оказал определенное влияние на становление молодого поколения университетских ученых (Н. И. Костомаров, И. И. Срезневский, А. П. Рославский-Петровский), которые сформировали под влиянием М. М. Лунина собственные представления о значении историографического знания.

Если в первой половине XIX в. осознание профессионально-этического характера рефлексивного знания было присуще лишь отдельным представителям Харьковского университета, то уже во второй половине XIX в. можно говорить о том, что данное убеждение стало характерным для всего университетского сообщества гуманитариев.

Наглядно это положение может проиллюстрировать полемика вокруг диссертации Г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года», которую он написал, будучи профессором российской истории Харьковского

университета. Несмотря на задекларированный в названии источниковедческий характер работы, по сути, наряду с описанием материалов по истории Малороссии, хранившихся в центральных архивах, Карпов ставил цель проанализировать использование источников и их интерпретации в работах Д. Н. Бантыша-Каменского, Н. А. Маркевича и Н. И. Костомарова. Сам исследователь, уже в ходе полемики, которая завязалась с Н. И. Костомаровым после издания его монографии, более четко обозначил главную цель своей диссертации «не только говорить про источники, но осознать характер целого направления, которое существует в нашей исторической литературе» [9, с. 4].

Перепроверяя ссылки на источники, рассматривая источниковую базу исследований своих предшественников, Г. Ф. Карпову удалось сделать много справедливых замечаний своим коллегам по цеху. Например, он отметил, что Н. А. Маркевич зачастую указывал в работе источники, которые не видел лично, а заимствовал их из сочинения Д. Н. Бантыша-Каменского [8, с. 34]. Обратил внимание он и на избирательность использования и издания источников Н. И. Костомаровым. При этом Г. Ф. Карпов считал указываемые недостатки грубыми нарушениями профессиональных норм исследования, замечая, что Н. А. Маркевич не использовал материалы архивов «при полном сознании обязанностей историка, при всех воплях о правде и истине» [8, с. 34], работу издателей Архива Южной и Западной Руси Карпов оценивал, сравнивая ее с уже устоявшимися правилами проведения археографической работы [8, с. 142].

Несмотря на справедливые замечания, историографический анализ Г. Ф. Карпова, хотя и был новаторским по своим задачам и формам, не привел к плодотворной дискуссии, но вызвал нежелательную для автора реакцию со стороны научного сообщества. Причиной этому была неумеренность критики, резкие нападки на сочинения исследователей истории Украины, а особенно на сочинения Н. И. Костомарова (например, Г. Ф. Карпов считал, что избирательное отношение Костомарова к источникам свидетельствовало о том, что в своих исторических сочинениях он «мог писать все что угодно... одним словом сочинять историю так же как и автор «Истории Русов»» [8, с. 128]). По мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, автора рецензии на сочинения Г. Ф. Карпова, подобные оценки поражали неприятною резкостью тона «даже лиц привыкших к приемам современной полемики» и «не

должны были иметь место в отношении ученого столь известного как Костомаров». Выводы же автора диссертации относительно издания источников по истории Украины и вовсе «кидали тень на целое учреждение – Археографическую комиссию» [4, с. 323].

В результате Н. И. Костомаров расценил выводы своего критика как «причіпки» [12, с. 9], а К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что историографические взгляды Карпова, отличающиеся «резкостью своих выражений и страстностью своей полемики», выводили дискуссию «из сферы науки в жгучую среду, не всегда научной полемики» [4, с. 321]. Несмотря на успешную защиту диссертации в Москве, ученая коллегия Харьковского университета не считала возможным продолжение работы Г. Ф. Карпова в университете. В 1871 г. Совет историко-филологического факультета, а затем и Совет Харьковского университета забаллотировал его кандидатуру на должность профессора кафедры российской истории [19, с. 286, 20]. Да и сам Г. Ф. Карпов объяснял свое «изгнание» из Харьковского университета полемикой с Н. И. Костомаровым [18, Л. 1]¹.

Таким образом, позиция Г. Ф. Карпова, которой он придерживался в диссертации, была осуждена коллегами по цеху. Такой результат, на наш взгляд, был обусловлен не неприкосновенностью авторитета Н. И. Костомарова или его приверженностью к другой (национальной) точке зрения, но решающим здесь оказалось осознанное игнорирование автором этической составляющей рефлексивного знания. Г. Ф. Карпов, будучи воспитанником научной школы С. М. Соловьева и осуществив историографический анализ с позиций данной школы (современный исследователь В. В. Кравченко называет эти позиции «великодержавными» [15, с. 107]), в то же время своими непримиримыми выводами продемонстрировал пренебрежительное

¹ Позиция автора диссертации была подвергнута критике и современными исследователями. Так, В. В. Кравченко, высоко оценивая значение работы Г. Ф. Карпова, которая вывела украинскую историографию на монографический уровень, и, подчеркивая обоснованность его выводов относительно такого историографического явления, как «История Русів», в то же время замечает, что выводы и наблюдения автора в значительной мере обесценивались тенденциозностью его позиции, которая выводила его исследование за границы научной объективности. – См. Кравченко В. В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). – Х. . 1996. – С. 103, 107.

отношение к научному сообществу, в том числе и научному сообществу историков Харьковского университета. Подобная установка привела к тому, что результатом рефлексии стало не указание пути к усовершенствованию, а скорее навешивание ярлыков и вынесение приговоров, поэтому историографический анализ, проведенный Г. Ф. Карповым воспринимался как не имеющий «научного характера».

Осознание профессионально-этической роли историографического знания дало возможность в конце XIX в. появиться целой плеяде ученых, для которых историография стала устойчивой областью научного интереса с их первых шагов на научном поприще. Если еще в 1850-х гг. И. Е. Забелину пришлось посвятить специальную статью защите молодых ученых от обвинений журнальных рецензентов, усматривающих в их критических опытах «неэтические мотивы» (желание ниспровергнуть авторитеты для возвышения значения собственных работ) [7, с. 460], то, уже в 1880-х гг. для молодых историков Харьковского университета Д. И. Багалея и В. П. Бузескула написание рецензий на классиков исторической науки стало не только приемлемым, но и престижным¹.

Обращение к этической составляющей историографического знания со всей остротой было актуализировано в эпоху коренных перемен теоретико-методологических принципов исторического исследования в 1920-х гг. Причем в эту эпоху речь шла не о методологическом «переворужении», но скорее о коренной ломке социально-когнитивной системы науки, резком отказе от старых

¹ Например, В. П. Бузескул спустя несколько лет после окончания университета «позволил себе» выступить с рецензиями на труды корифеев немецкой исторической науки Л. Ранке, Ф. К. Вегеле, а в рецензии на работу своего университетского учителя В. К. Надлера указать, что принятая им точка зрения (провиденциализм) не может быть допущена в строго-историческом научном труде. См. – Бузескул В. П. Всемирная история Ранке // ЖМНП. – 1885. – № 8. – С. 232-246. – Рец. на кн.: Ranke L. Weltgeschichte. – Leipzig. – 1883–1884. Bd.1-5.; Бузескул В. П. Немецкая историография // ЖМНП. – 1886. – № 5. – С. 150-153. – Рец. на кн.: Wegele F. X. Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. – Munchen und Leipzig, 1885. – Bd. 1-5. – 1081 s.; Бузескул В. П. Леопольд Ранке (1795–1886) // ЖМНП. – 1886. – № 7. – С. 50-61; Бузескул В. П. [Рецензия] // ЖМНП. – 1887. – № 5. – С. 162-168. – Рец. на кн.: Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. – Х., 1886–1888.

традиций и отмежевании от «старых» научных сообществ. В данном случае интересной представляется дискуссия между Д. И. Багалеем и ведущим историком-марксистом 1920-х гг. М. И. Яворским [1]. В полемике, которая началась по поводу написания новейшей истории Украины с позиций марксистской методологии, объявивший себя марксистом Д. И. Багалея пытался защитить свое право выражать собственное видение истории Украины, основанное не только на идеологических постулатах, но и на достижениях дореволюционной науки [14, с. 37]. При этом этические соображения заставляли Д. И. Багалея постулировать себя представителем и защитником «старого» дореволюционного научного сообщества исследователей истории Украины, а убеждение в этическом характере историографического знания, позволяло рассматривать его как инструмент для восстановления преемственности между «старым» и «новым» сообществом историков-марксистов, и как средство для их сближения на почве идеи методологического взаимообогащения. Д. И. Багалея шаг за шагом показывал на какие результаты дореволюционной науки опирался в своих выводах М. И. Яворский, доказывая научную необходимость уважительного отношения к украинской историографии предшествующей эпохи и дифференцированного подхода к ее отдельным представителям. Хотя полемика, по всей видимости, была неприятна ученому, однако он считал важным ее продолжать, ставя цель добиться от своего оппонента признания важности этического характера историографического знания. При этом Д. И. Багалея обратил внимание и на стиль ведения дискуссии. В способе критики нового поколения историков он видел «великую опасность для научной истории» и подверг сомнению возможность вульгарной по форме критики стать основой для совершенствования методологии [1 (1924. №6), с. 150].

Таким образом, вектор развития отношений историографии и этики на протяжении всего существования дореволюционной университетской науки вел к осознанному признанию этической природы историографического знания. Данное осознание проявилось не сразу и стало возможно только в период обретения историографией определенной степени зрелости. Именно в условиях выхода рефлексии на теоретический уровень, этические соображения стали ориентировать исследователей соединять рефлексивную с процедурами самоидентификации с определенным научным сообществом. При этом, с одной стороны, рефлексия обуславливала процессы

идентификации, а с другой стороны, идентификация поднимала саму рефлексивную на принципиально новый уровень, предоставляя критерии для оценки историографических явлений и задавая цели историографического анализа.

Как правило, ученые старались соотносить свою деятельность с нормами более профессиональных, по их мнению, научных сообществ. Образовавшийся часто «зазор» между «идеальными» и «реальными» научными сообществами регулировался также с помощью этических представлений, которые давали возможность «оправдать» или «объяснить» (реже «не принять») то или иное положение дел. Фактически рефлексия стала механизмом «оценивания», она актуализировала момент выбора исследователя, причем выбора не только теоретико-методологических, но и мировоззренческих ориентиров. Осознание этического характера историографического знания, приобретая значение общеобязательного фундаментального убеждения, стало играть важную функцию организационного принципа сообщества историографов, а также определять вектор развития научных сообществ в целом.

Литература

1. *Багалій Д.* Перша спроба начерку історії України на тлі історичного матеріалізму // Червоний шлях. 1923. № 9; Яворський М. Деякі про «критичну» критику, про «об'єктивну» історію та ще й про бабусину спідницю // Червоний шлях. 1924. № 3; Багалій Д. З приводу антикритики проф. М. І. Яворського // Червоний шлях. 1924. № 6.
2. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб, 1891.
3. *Бер К. М.* Взгляд на развитие наук // ЖМНП. 1836. № 5.
4. *Бестужев-Рюмин К. Н.* [Рецензия] // ЖМНП. 1874. № 12. Рец. на кн.: Карпов Г. Ф. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года. – Х., 1870.
5. *Бузескул В. П.* Профессор М. М. Луин (1806–1844) – «Харьковский Грановский» // ЖМНП. 1905. № 2.
6. *Де-Пуле М. Ф.* Харьковский университет и Д. И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Х., 2008.
7. *Забелин И. Е.* Фельетонизм в критике // Опыты изучения русских древностей и историй: исследования, описания и критические статьи. Т. 1. М., 1872.

8. *Карпов Г. Ф.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года. Х., 1870.
9. *Карпов Г. Ф.* Костомаров как историк Малороссии. М., 1871.
10. *Киселева Ю. А.* Новации П. П. Гулака-Артемовского в ходе преподавания курса российской истории в Харьковском университете // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13.
11. *Кисельова Ю. А.* Історіографічна проблематика у наукових працях В. Ф. Циха // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Х., 2009. Вип. 12.
12. *Костомаров Н. И.* Ответ г. Карпову // Беседа. 1871. № 1.
13. *Костомаров Н. И.* Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Х., 2008.
14. *Кравченко В. В.* Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї «Автобіографії». Передмова // Д. І. Багалій. Вибрані праці. Т. 1. Х., 1999.
15. *Кравченко В. В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Х. 1996.
16. *Кронеберг И. Я.* О изучении словесности // ЖМНП. 1835. Ч. VIII.
17. Отдел дореволюционной литературы Новочеркасской библиотеки им. А. С. Пушкина. Ед. хр. 15442. История. 1835-1839. (материалы предоставлены А. С. Куликовой).
18. Отдел рукописей РНБ Ф. 568. Пекарський П. П. Оп. 1. Ед. хрн. 248. Г. Ф. Карпов. Письмо к П. П. Пекарському. 18.04.1871. Л. 1 об.
19. Протоколы заседаний Совета императорского Харьковского университета. Х., 1871. № 1.
20. *Рославский-Петровский А.* Известия о кончине проф. Лунина // Москвитянин. 1844. № 11-12.
21. *Фихте И. Г.* О назначении ученых // Телескоп. 1835. Ч. 29.
22. *Цых В. Ф.* Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? Х., 1833.
23. *Цых В. Ф.* О цели и пользе высших учебных заведений // Записки и речи, читанные при открытии Императорского университета Св. Владимира. К., 1840.
24. *Шад И.* О верховной цели человечества // Речь, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1806.
25. *Umlauf L.* De arrogantia in literis // Речь, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Х., 1806.

О. И. ОРЛОВ

ИСТОРИК СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ НА «ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

*«Итак, я – историк. И, следовательно, нахожусь сегодня не в самом комфортном положении. Ибо в наши дни любят историю и не жалуют историков»
(В. Б. Кобрин)*

Резюме: В статье поднимается актуальная и сегодня проблема профессионализма и этики историка в условиях авторитарного режима, крайним («тоталитарным») вариантом которого стал период сталинизма. Эпоха становления культуры личности и массовых репрессий не могла не отразиться на положении исторической науки и состоянии профессионального сообщества историков. Конец 1920-х – 1930-е годы демонстрируют столкновение интересов различных групп историков, иницируемое и поощряемое властью. Результатом перманентных погромных кампаний и чисток, в которые вовлекались представители разных научных школ и политических группировок, стала утрата историческим цехом своей научной самостоятельности и традиций высокой профессиональной этики.

Ключевые слова: «старая школа», научность, марксистская историография, идеология, репрессии

Орлов І. Б. Історик сталінської епохи на «фронті історичної науки»

Резюме: У статті піднімається актуальна й сьогодні проблема професіоналізму та етики історика в умовах авторитарного режиму, крайнім («тоталітарним») варіантом якого став період сталінізму. Епоха становлення культури особи та масових репресій не могла не позначитися на становищі історичної науки і стані професійної спільноти істориків. Кінець 1920-х – 1930-ті роки демонструють зіткнення інтересів різних груп істориків, що ініціювалося та заохочувалося владою. Результатом перманентних погромних кампаний і чисток, до яких залучалися представники різних наукових шкіл і політичних угруповань, стала втрата історичним цехом своєї наукової самостійності та традицій високої професійної етики.

Ключові слова: «стара школа», науковість, марксистська історіографія, ідеологія, репресії

© Орлов О. И.